

А. К. МАТВЕЕВ (Свердловск)

ОБ ОТРАЖЕНИИ ОДНОГО ФИНСКО-РУССКОГО ФОНЕТИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИКЕ РУССКОГО СЕВЕРА

В статье рассматривается один из вопросов финско-русских языковых контактов, который представляет интерес как для финно-угроведов, так и для славистов. Речь идет об отражении в севернорусской субстратной топонимике известных соответствий фин. краткое *a* — рус. *o* (для периода ранних финско-русских контактов) и фин. краткое *a* — рус. *a* (для более позднего времени). Соответствия эти установлены давно и рассматриваются, в частности, в трудах И. Ю. Микколы и Я. Калимы.¹ Первое соответствие *a—o* отражено, например, в русских названиях народов *Корьла*, *Лопь* при фин. *Karjala*, *Lappi*², а второе соответствие *a—a* зафиксировано в ряде русских диалектных заимствований из прибалтийско-финских языков: рус. *лахта* 'залив' — фин. *lahti* то же³, рус. *ламба* 'озерко (в лесу)' — фин. *lampi*, кар. *lambi* то же.⁴

Отвечая на вопрос, отражает ли в лексических заимствованиях двойкий рефлекс *a—o* и *a—a* два хронологически разных слоя, Калима приходит к заключению, что в ряде случаев фин. *a* соответствует рус. *o* даже в недавних заимствованиях (ср. *рабач* и *робач* 'низкое кривое дерево')⁵, в старых же заимствованиях фин. *a* всегда передается рус. *o*⁶. Таким образом, в более ранних лексических заимствованиях имеем *a—o*, в поздних — как *a—a* (обычно), так и *a—o*.

Вопрос о причинах различного отражения фин. *a* в русском языке составляет особую проблему и не является целью нашего исследования. В данной статье рассматривается возможность использования приведенных соответствий при этимологизации субстратных топонимов, причем автор ограничивается одним случаем — подударным положением, которое, как известно, в финнизмах почти всегда падает на первый слог. В работе приводятся преимущественно финские (*suomi*) данные. Общее прибалтийско-финское краткое *a* сохранилось во всех

¹ J. J. Mikkola, Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch (= MSFOu LXXV), Helsinki 1938, стр. 20—21; J. Kalima, Die ostseefinnischen lehnwörter im russischen (= MSFOu XLIV), Helsinki 1919, стр. 46—47.

² J. Kalima, указ. раб., стр. 47.

³ Там же, стр. 151.

⁴ Там же, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 47, 192—193.

⁶ Там же, стр. 47.

прибалтийско-финских языках⁷ и нет оснований полагать, что в вымерших прибалтийско-финских наречиях Русского Севера этот звук был представлен каким-либо особым рефлексом.

После предварительных замечаний перейдем к сути дела. Еще Калима знал, что в топонимике Русского Севера отражено как соответствие *a—o* (*Лохта*), так и *a—a* (*Лакта*).⁸ Позднее об этом писал М. Фасмер, высоко ценивший значение фонетических критериев для этимологизации топонимов и пытавшийся использовать наличие соответствий *a—o* и *a—a* при изучении субстратной топонимики Русского Севера.⁹ Однако Фасмер имел в своем распоряжении количественно незначительный и к тому же не очень качественный материал («Списки населенных мест» различных лет), поэтому в его работах соответствия *a—o* и *a—a* учитываются очень непоследовательно, в частности без учета лингвогеографических данных, хотя различное отражение фин. *a* в топонимике могло быть вызвано тем, что различные территории Севера осваивались русскими в разное время. Несмотря на то что Фасмер не смог установить региональные особенности в отражении фин. *a*, он все время говорит о территориях раннего и позднего заселения, чем и обусловлена противоречивая интерпретация фактов в его работе. Так, в Тихвинском уезде *Сорозеро* возводится к фин. *sarvi* 'por' (стр. 376), а р. *Сарка* к фин. *sara* 'осока' (стр. 378)¹⁰, в Белозерском уезде *Ломбозеро* связывается с фин. *lampi* 'озеро, пруд' (стр. 380), а *Хамбуь* с фин. *hamppi* 'конопля' (стр. 380—381), в Лодейнопольском уезде *Ладвозеро* сравнивается с фин. *latva* 'вершина' (стр. 394), а *Солозеро* с фин. *salo* 'глухой лес' (стр. 396), наконец, в Архангельском уезде *Солозеро* опять-таки возводится к фин. *salo*, а *Мадюга* к фин. *mato* 'червь' (стр. 418).

Таким образом, Фасмер фактически допускает, что на Русском Севере везде в равной мере действовало как соответствие *a—o*, так и *a—a*, хотя это ничем не аргументировано. Между тем решение рассматриваемой проблемы имеет первостепенное значение для интерпретации субстратных топонимов. Так, основу *коск-* можно возводить к фин. *koski* 'порог', но в зоне *a—o* — и к фин. *kaski* 'пожога'. В двинских грамотах XV в. встречается топоним *Сапокоски*. Если он относится к зоне *a—a*, то толкование его — 'островной порог', если к зоне *a—o*, то — 'островная пожога'.

Но имеются ли такие зоны в действительности, есть ли какая-либо системность в отражении рассматриваемых соответствий, нельзя ли использовать топонимические данные для установления зоны распространения древнего соответствия *a—o* с тем, чтобы в дальнейшем учитывать его при изучении субстратной топонимики? Для решения вопроса надо было картографировать факты и попытаться установить зоны распространения соответствий *a—o* и *a—a*. При этом автор имел в виду, что для установления этих зон исходным опорным фактом

⁷ Специфические рефлексy находим в саамском языке: фин. *lahti* 'залив', ср. саам. швед. *luokt, luokta*, саам. лул. *luokta*, саам. норв. *luok'tá*, саам. кильд. *lūxt*, саам. тер. *līkt* (SKES II); фин. *kala* 'рыба', ср. саам. лул. *kuollē*, саам. норв. *guolle*, саам. кильд. *kūll*, саам. тер. *kīlle* (SKES I).

⁸ J. Kalima, указ. раб., стр. 151.

⁹ M. Vasmer, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse XVIII, Berlin 1934, стр. 360—361.

¹⁰ Это неверно (ср. фин. *sarka* 'полоса, участок поля').

должен служить этимологически прозрачный географический термин, каким и стало слово *лахта*, *лохта* 'залив'. Этимология этого термина рассмотрена в работе Калимы, где источник русского слова усматривается в фин., ливвик. *lahti*, вепс. *laht* 'залив'.¹¹

Топонимические названия, связанные с терминами *лахта*, *лохта* по степени достоверности прибалтийско-финского происхождения должны быть распределены по двум группам: 1) беспорные прибалтийско-финские топонимы, состоящие из сочетания основы и детерминатива (*Янголохта*, *Габлахта*)¹², 2) географические термины в топонимическом употреблении (*Лохта* и *Лакхта*), которые могли иметь и русское происхождение, так как местное русское население могло дать название, используя заимствованное слово. Преимущества изучения терминов *лохта*, *лахта* 'залив' также в том, что они очень часто встречаются в топонимике, причем вариант *лохта* зафиксирован только в географической номенклатуре¹³, поэтому его русское происхождение мало вероятно даже для терминов в топонимическом употреблении. Наконец, вероятность того, что *лохта* означает нечто иное по сравнению с *лахта* полностью отвергается при сопоставлении с реалиями: все *лохты*, как и все *лахты*, соотносятся с заливами, что установлено в полевых условиях.

Картографирование детерминативов *-лахта*, *-лохта* (высокая степень надежности) и терминов *лахта*, *лохта* (менее высокая степень надежности) показало (см. карту), что соответствие *a—o* регулярно отражено как в детерминативах, так и терминах-топонимах Белозерского края, а спорадически и в некоторых других местах (район Кевролы на Пинеге, оз. Лача, нижнее течение р. Емцы и т. д.). Однако на большей части территории Русского Севера отражено соответствие *a—a*. Фиксация рефлекса *a—o* на территории Белозерского края не должна удивлять, так как Белозеро упоминается в русских летописях очень рано: 862 г. — о княжении Синеуса на Белозере, 989 г. — о княжении Всеволода Ярославича, 1071 г. — известие о белозерском бунте, а от XIV—XVI вв. до нас дошло много документов белозерских монастырей — Кириллова и Ферапонтова. Очевидно, эта территория была освоена русскими тогда, когда соответствие *a—o* еще имело силу.

Существование установленной зоны соответствия *a—o* проверено и другими фактами. В частности, использованы географические термины *пахта* — *похта* 'болото' и *сара* — *сора* 'рассоха; исток', которые восходят к вымершим субстратным языкам Русского Севера. Значение этих терминов установлено твердо, так как они зафиксированы в местных русских народных говорах, а наличие в топонимике коррелятивных пар, отражающих соответствия *a—o* и *a—a*, позволяло надеяться, что их картографирование может дать интересные результаты, несмотря на то что этимология первого из названных слов еще не совсем точно установлена¹⁴, что, впрочем не имеет существенного значения, так как не-

¹¹ J. Kalima, указ. раб., стр. 151.

¹² Соответствующая русская конструкция — полукалька *Разгуба*, *Сайдогуба*.

¹³ J. Kalima, указ. раб., стр. 151. Последние полевые сборы показали, однако, что в говорах известен и апеллятив *лохта* (ср. в говоре д. Енино Белозерского района Вологодской области *лохта* 'впадина между двумя возвышенностями вроде лощины').

¹⁴ Относительно *сара*, *сора* можно с уверенностью утверждать, что оно связано с субстратным словом, отраженным в саам. нот. *suŋrr̥e*, саам. кильд. *s̄urr̥(e)*, 'ответвление; развилка; рукав реки' (Т. I. Itkonen, *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja* I, Helsinki 1958, стр. 534—535), а также в вепс. *sara* 'ответвление'. Вопрос о связи этого слова с коми-зыр. *шор* 'ручей' требует дополнительного изучения из-за фонетических трудностей.

сомненно дорусское происхождение терминов. В конце концов неважно, восходят ли эти слова непосредственно к прибалтийско-финским источникам или проникли в них из доприбалтийско-финского (например, саамского) субстрата. В любом случае в них должны быть отражены соответствия *a—o* и *a—a*, если они попадают в соответствующую зону, так как последний дорусский пласт на Севере почти везде прибалтийско-финский.

Результаты картографирования этих терминов оказались очень показательными: получены новые данные о господстве соответствия *a—o* в Белозерском крае и дополнительные сведения об островках этого соответствия в нижнем течении Емцы и районе оз. Лача. Теперь уже окончательно можно было сделать вывод о действии соответствия *a—o* на территории Белозерского края, а также, видимо, в районе Кевролы (упоминается в документе 1137 г.), в старой Емецкой волости, которая упоминается в документах 1462—1476 гг., и в районе села Тихманьга на оз. Лача.

Последующее изучение субстратной топонимики Белозерского края с учетом соответствия *a—o* помогло найти ответ на многие вопросы:

1. Объяснить детерминатив *-лойда* (*Перхлойда*, *Кызголойда*) и термин *Лойда*, отмеченный в топонимическом употреблении (деревня *Лойда*), значение которых ранее не удавалось установить. С учетом соответствия *a—o* оказалось возможным сопоставить *Лойда* с вепс. *laid* 'чистое место среди заросшего озера'. И действительно, все *лайды* расположены по краям обширных топких болот, некогда, очевидно, бывших озерами.

2. Истолковать детерминатив *-солово*¹⁵, значение которого ('остров леса среди болота') установлено путем сравнения с реалиями (*Ярсолово*, *Руксолово* и т. д.). При учете соответствия *a—o* этот детерминатив с легкостью объясняется из прибалтийско-финского слова, отраженного, например, в лив. *salà* (L. Kettunen, *Livisches Wörterbuch*, Helsinki 1938, стр. 353) 'остров' и саам. нот. *сулла*, саам. кильд. *суэл*^(а), саам. норв. *suolo* (Т. I. Itkonen, указ. раб., стр. 530) 'остров'.

3. Объяснить часто встречающееся в Белозерье название *Солмас*. Все *солмасы* связаны (по данным изучения реалий) с какими-либо проливами; при учете соответствия *a—o* восстанавливаем исходное **salmas*, тождественное фин. *salmi* 'пролив' и отраженное в топониме *Салмасозеро* (Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 г., листы 1 и 3).

4. Доказать ряд других этимологий — *Лохтозеро* (ср. фин. *lahti* 'залив'), *Моткозеро* (ср. фин. *matka* 'путь'), *Волгома* (ср. фин. *valkama* 'пристань' и т. д.).

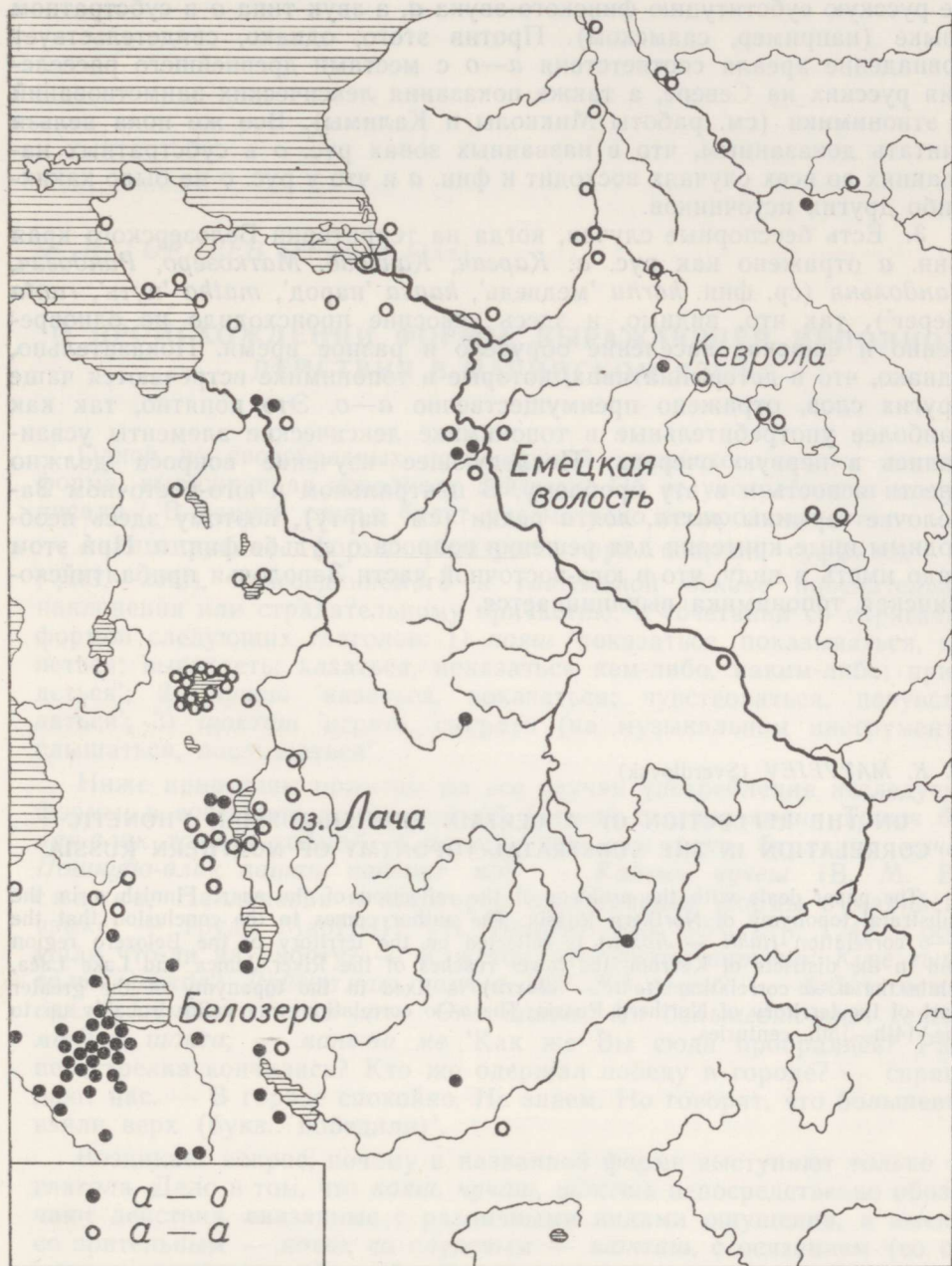
Все эти примеры наглядно свидетельствуют о том, что Белозерье — действительно зона распространения соответствия *a—o*, которое и следует учитывать при этимологических разысканиях. В остальных же случаях фиксация соответствия *a—o* менее достоверна и нуждается в проверке.

В заключение еще несколько соображений.

1. По-видимому, можно будет установить с известной степенью точности абсолютную хронологию соответствия *a—o* в топонимике (точнее ее верхний, т. е. более поздний предел) путем обращения к исто-

¹⁵ Окончание *-ово* имеет русское происхождение.

Таблица 2 — Отражение соответствия а — а в памятниках

рическим документам, в которых засвидетельствованы достоверные ранние случаи соответствия а—а (ср. *Поражлахта* в двинских грамотах XV в.). Случаи соответствия а—о в памятниках (*Лохта*, *Глухая Лохта* — XV в.) не помогают разрешению этого вопроса, так как соответствие могло быть реализовано значительно раньше. Предварительно заметим, что пример *Поражлахта* свидетельствует о действии соответствия а—а в XV в. Впрочем, для разных территорий могут оказаться разными и хронологические рамки действия соответствия.

2. Может быть высказано мнение, что соответствие $a—o$ отражает не русскую субституцию финского звука a , а звук типа o в субстратном языке (например, саамском). Против этого, однако, свидетельствует совпадение ареала соответствия $a—o$ с местами древнейшего расселения русских на Севере, а также показания лексических заимствований и этнонимии (см. работы Микколы и Қалимы). Все же пока нельзя считать доказанным, что в названных зонах рус. o в субстратных названиях во всех случаях восходит к фин. a и что у рус. o не было каких-либо других источников.

3. Есть бесспорные случаи, когда на территории Белозерского края фин. a отражено как рус. a : *Каргач*, *Канзово*, *Маткозеро*, *Рандогла*, *Рандольня* (ср. фин. *karhu* 'медведь', *kansa* 'народ', *matka* 'путь', *ranta* 'берег'), так что, видимо, и здесь усвоение происходило не одновременно и финское население обрусело в разное время. Показательно, однако, что в детерминативах, которые в топонимике встречаются чаще других слов, отражено преимущественно $a—o$. Это понятно, так как наиболее употребительные в топонимике лексические элементы усваивались в первую очередь. Последующее изучение вопроса должно внести ясность и в эту проблему. В центральном и юго-восточном Заволочье термины *лахта*, *лохта* редки (см. карту), поэтому здесь необходимы иные критерии для решения вопроса о судьбе фин. a . При этом надо иметь в виду, что в юго-восточной части Заволочья прибалтийско-финская топонимика выклинивается.

А. К. MATVEJEV (Sverdlovsk)

ON THE REFLECTION OF A CERTAIN FINNISH-RUSSIAN PHONETIC CORRELATION IN THE SUBSTRATAL TOPONYMY OF NORTHERN RUSSIA

The paper deals with the problem of the reflection of the short Finnish a in the substratal toponymy of Northern Russia. The author comes to the conclusion that the $a—o$ correlation (*lahi* — *Лохта*) is reflected on the territory of the Belozero region and in the districts of Kevrola, the lower reaches of the River Jemca and Lake Laça, while the $a—a$ correlation (*lahi* — *Ляхта*) is fixed in the toponymy of the greater part of the territory of Northern Russia. The $a—o$ correlation was valid probably up to the 14th—15th centuries.